

НЕНАБЛЮДАЕМОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Автор: Г. В. КАНЬГИН

КАНЬГИН Геннадий Викторович - кандидат экономических наук, заведующий сектором Социологического института РАН (Санкт-Петербург). E-mail: genaka@inbox.ru

Аннотация. Проанализированы интуитивные основы и экзистенциальный аспект самоидентификации актора при оперировании научными понятиями. Специфика качественного исследования показана в русле двух традиций познания: духовных практик и формальных методов. Возможности актора по освоению духовных практик трактуются как ресурс развития социальной методологии, расширяющий ее интуитивные научные основы. Аналитические процедуры современной западной качественной методологии представлены как научный аппарат, служащий для конструктивного изъяснения экзистенциальных состояний акторов в условиях их приверженности различающимся системам первопонятий, аксиом и правил вывода. Высказана идея синтеза качественных исследовательских процедур, развитых в социологии.

Ключевые слова: литературная теория * самоидентификация научного актора * экзистенциальность научного метода * духовные практики * формальные методы

Ежедневно можно наблюдать людей, которые, не задумываясь, пользуются употребительными в их родном языке словами до того, как узнали их точное значение, изменяя связываемую с этими словами идею почти столь же часто, как они их произносят.

Г. Лейбниц

Социальные теоретики часто задают вопрос: куда идет Россия? Автор склонен думать, что простой обыватель, встретив этот вопрос в сочинениях уважаемых мэтров, каждый раз испытывает двойное переживание. Во-первых, он потрясен мощью теоретического обобщения, выраженного всего одним словом "Россия", которое заставляет читателя теряться в видениях выпусков новостей, военных парадов, железных дорог, революций, приятелей по двору, подруг по жизни и т.д. и т.п. Во-вторых, он успокаивается... Оказывается, социальные теоретики уже поняли, что "все это" умеет ходить, и осталось только решить, в какую именно сторону "все это" направится. Однако

позволим себе усомниться в данных словесных построениях и постараемся понять исследовательские возможности ответить на подобные актуальные вопросы.

Проблема ненаблюдаемости социальных феноменов. Феномен - любое явление, могущее быть постигнутым на основании опыта [1]. Социальным назовем феномен, частью которого является актер. Проблемы "определения" актора составляют предмет данной публикации.

Стремясь сопрячь разнородные методологические традиции путем применения общепонятных образов, воспользуемся известной притчей: три слепых человека описывают свои представления о слоне. Один, ощупывая бок животного, говорит, что тот похож на стену. Другой, взявшись за хвост, считает его похожим на веревку. Наконец, третий, обхватив ногу животного, утверждает, что слон подобен колонне.

Научно перефразируя указанную ситуацию, можно сказать, что существует группа из трех акторов (слепцы), каждый из которых отображает эмпирическое множество (слон) в собственные системы с отношениями (стена), (веревка), (колонна). Такое теоретическое воспроизведение жизненных ситуаций характерно для подхода, изложенного в работах П. Супеса, Д. Зинеса [2] и И. Пфанцгеля [3] под названием "социологическое измерение". Эти идеи были восприняты рядом отечественных авторов, предложивших свои терминологические спецификации указанного естественнонаучного взгляда. Например, Б. Докторов [4] и Г. Саганенко [5, 6] писали о надежности социологической информации, С. Клигер, М. Косолапов, Ю. Толстова [7] и В. Перекрест [8] развили идеи шкалирования социологических данных. С. Чесноков предложил номинальное измерение в качестве сугубо специфического метода описания социальных явлений [9]. Одну из последних попыток привлечь внимание к этому ходу объективистской мысли предпринял В. Шляпентох [10].

При первом знакомстве с этой попыткой можно усомниться в некой "решающей роли" именно цифровой информации при описании социальных явлений [10, с. 80]. Во всяком случае, повседневный опыт автора свидетельствует, что текст - это не менее распространенный инструмент социальной коммуникации, чем цифры. Однако дальнейшие размышления приводят к убеждению, что характерная трудность всего объективистского хода мысли заключена, конечно, не во вторичных спецификациях термина "информация", находящихся отзвуки, например, в известной дискуссии о соотношении качественных и количественных методов в социологии. Проблема в том, что понимать под самим термином "информация", если речь заходит об описании социальных явлений.

Притча, которую мы приняли в качестве модели социальной реальности, подсказывает, что именно прикладное применение терминов, заимствованных из естественных наук, заставляет сомневаться в их теоретической осмысленности при изучении происходящего в обществе. Слона просто нет в представлениях людей из притчи, что не мешает им формулировать свои идеи о нем. Для этих людей мысль о слоне - это некоторая фикция, а в притче она становится осмысленной для человека, который именно не включен в реальные обстоятельства. В кибернетических терминах это означает, что в жизненных ситуациях не существует единого сообщества людей, которые представляли бы некоторым единообразным способом "множество состояний", фигурирующее в научном определении термина "информация".

В кибернетике, откуда заимствован термин "информация", известна принципиально другая квалификация типичной "гуманитарной" ситуации, которую пытаются измерить, по крайней мере, на протяжении последних 40 лет. Она называется ненаблюдаемостью. Другими словами, как слон для слепцов из притчи, так и Россия для социологов являются некими "мыслительными фантомами", относительно которых соответствующие акторы не в состоянии высказать ничего сверх того, что они могут высказать. Из притчи известно, что конкретно говорят слепцы, а что говорят социологи?

И здесь автор смеет думать, что более важным оказывается не то, что они говорят, а то, что они только и могут, что сказать. Другими словами, стоит ли рассчитывать,

что проблему ненаблюдаемости социальных явлений можно решить с помощью естественного языка?

Вербальное теоретизирование. Широко известна критика языковых построений, используемых для целей социальной теории. Из недавних публикаций на русском языке напомним монографию А. Давыдова [11, глава 1]. Вдобавок к содержащимся в ней характеристикам словесных аналитических выкладок обратим внимание на словосочетание В. Радаева - "ковыряние палкой в тумане" [12, с. 26]. В этот же ряд подходит лазарфельдовское словечко *imagery*, которое трудно кратко сформулировать по-русски. В этом контексте термин М. Алле "литературная теория" [13, с. 12], являющийся синонимом заголовка параграфа, радуется своей академической толерантностью.

Обратим внимание еще на два обстоятельства вербального теоретизирования в социологии. Во-первых, используя естественный язык в качестве инструмента теоретизирования, социологи дают весомый повод заподозрить себя в непрофессионализме. Профессионалы языка - лингвисты - для создания своих теорий о языке стремятся уйти от обращения к этому обыденному медийному ресурсу. Взамен предлагаются такие средства как: словари, тезаурусы, концептуальное моделирование, теории метафоры и прочие ухищрения, призванные устранить принципиальные недостатки естественного языка в качестве научного инструмента - метафоричность, неконтролируемую контекстную обусловленность и т.п. [14]. К сожалению, социальные теоретики игнорируют этот вызов, наблюдаемый в смежной предметной области. Это пренебрежение рефлексируется лингвистами. Например, Р. Фрумкина, резюмируя конкретные наблюдения из областей лингвистики и психологии, ставит под сомнение возможность опытного обоснования социологических утверждений, безотчетно формулируемых на естественном языке [15, с. 144].

Во-вторых, вдумаясь в следующее утверждение И. Азаровой и ее коллег: "Для слов любой части речи можно подобрать такой контекст, в котором будут взаимозаменяемы слова, семантически не связанные друг с другом" [16]. Это еще не приговор всей литературной традиции в социологии, но весомый повод усомниться в состоятельности намерений социальных теоретиков, игнорирующих веками наработанный аппарат науки в виде аксиоматики, правил вывода, явно сформулированных гипотез и пр. в пользу "разъяснения" одних слов естественного языка через другие [17].

Интуитивные основы теории. Рассмотрим характерные методологические пристрастия, которые неминуемо демонстрируют мэтры социологии, разъясняя свои взгляды широкой публике. Так, В. Ядов в своем блоге пишет: "Макс Вебер стал основателем "понимающей" социологии, имея в виду, что в отличие от естествоиспытателей гуманитарии (социогуманитарии можно сказать) имеют дело с субъект-субъектными отношениями. Исследователь должен не только описать и объяснить наблюдаемое, но и понять смыслы действий других субъектов" [18].

Не будем обсуждать, каким образом В. Ядов проник в намерение М. Вебера противопоставить естествоиспытателей и гуманитариев, но существуют различные трактовки того, что из такого намерения получилось. Например, на известном сайте socioline.ru утверждается, что М. Веберу не удалось прояснить принципиальный вопрос, можно ли считать его центральное представление об идеальном типе проверяемой моделью реального мира [19]. Несмотря на такую неясность для А. Кукарц и У. Кукарц взгляды М. Вебера послужили методологическим ориентиром в создании пакета анализа нечисловой информации MAXqda [20].

Поэтому не будем катехизисно вчитываться в классические рассуждения немецкого мыслителя, а осмелимся понять самостоятельно, можно ли считать, что естествоиспытатель описывает наблюдаемое? Например, наблюдаемо ли геометрическое понятие "точка"? С одной стороны, основы школьной геометрии говорят, что точку просто невозможно ни увидеть, ни почувствовать каким-либо другим способом. Точка - это некоторый мыслительный объект, с которым ассоциированы другие мыслительные объекты или операции - провести прямую через точку, построить окружность с центром в данной точке и т.д.

С другой стороны, успехи геометрии свидетельствуют о том, что ее "мыслительные объекты", т.е. понятия, находят прикладное применение. Это означает, что последователь Эвклида получает возможность действовать в разнообразных практических ситуациях. Другими словами, геометрические понятия в реальном применении требуют того, чтобы человек сумел с их помощью самоидентифицироваться каждый раз в новой ситуации (на стройплощадке, рисуя круг на бумаге, выбирая пиксель на экране и т.д.). Этот процесс самоидентификации складывается для геометрического адепта из двух составляющих: формальных операций, которые релевантны теоретическому контексту (операции с точкой), и переживаний реальных усилий (концентрация внимания, телесные ощущения и т.п.), возникающих в процессе выполнения формальных операций.

Таким образом понятия приобретают "реальность" или становятся наблюдаемыми не только в силу знаковой прописанности мыслительных операций, но и постоянного "чувственного осмысления" этих операций в бесчисленных ситуациях их применения. На взгляд автора, такого сорта реальность адекватно описывается известным термином "экзистенциальность"¹, который позволяет увидеть вторую ипостась научных понятий, сохраняемую ими из человеческого опыта разговорной практики [21].

Социальные теоретики склонны видеть в научном аппарате его инструментальные возможности, не замечая экзистенциальности их применения. Так, А. Готлиб отмечает только первую ипостась научной терминологии, которая "всегда стремилась выйти за пределы наличного опыта и выразить ненаблюдаемые сущности" [22, с. 28]². Согласимся, что, обобщая или типизируя серии ситуаций, научный аппарат отрывает обозначение от его экзистенциальной основы, проявляемой в конкретной обстановке. Однако такой разрыв вовсе не говорит о том, что, выйдя за пределы породившего ее опыта, научная терминология никогда к нему и не возвращается. Скажем, 1.85, являясь вещественным числом, служит бесспорным примером научного понятия и в этом своем аспекте выходит за пределы "наличного опыта". Однако, вспоминая поведение героев О'Генри, интересовавшихся текущей ценой акций, почему-то кажется, что для каждого из них "один восемьдесят пять" не являлось лишь абстрактной игрой ума, а имело свой экзистенциальный смысл.

По-видимому, не будет преувеличением считать, что смысл любой практически применяемой науки в том, что она позволяет интуитивно обоснованным образом моделировать в знаках именно экзистенциальные характеристики человеческой жизни. В практике применения геометрии это означает, например, что для того чтобы понять, что путь в пятьсот километров не покрыть пешком за час ("запыхаться"), не нужно этот путь каждый раз мерить ногами. Достаточно одному субъекту получить некоторые вполне формальные характеристики возможного начинания - длина, время и т.д. от другого субъекта, и весь акт коммуникации приобретет "субъект-субъектный" смысл.

Таким образом, если оставаться в границах научного поиска, то вряд ли стоит противопоставлять "наблюдаемое" и "смыслы действий других субъектов", как это сделано в цитате, приведенной в начале параграфа.

Познавательная практика опоры на обозначения взамен реальным переживаниям жизни, конечно, может восприниматься как явно недостаточная для изучения социальных отношений. Но если критиковать научный аппарат с позиций его недостаточности, скажем, в терминах ненаблюдаемости экзистенциального опыта, то логичным выглядит обращение к мировой традиции, которая уже не одну тысячу лет только тем и занимается, что конструктивно развивает такой опыт.

Путь Будды. Возвращаясь к притче, спросим, почему каждый из слепцов лишь ощупывает слона, а не обнюхивает, не облизывает, не отталкивает, не прослушивает и т.д. И тут оказывается, что перед человеком всегда открыт путь, на который уже не одну тысячу лет указывают люди, уважаемые своими адептами не меньше, чем ученые-социологи своими.

¹ "Экзистенциальность" используется в статье в качестве синонима.

² Любопытно сравнить с вышеприведенным утверждением В. Ядова, что естествоиспытатель, в отличие от социогуманитария, описывает и объясняет как раз наблюдаемое.

Не распространяясь пространно о восточном пути, обозначу его центральную специфику как духовные практики. Смысл практик состоит как раз в том, чтобы научить адепта непосредственному чувствованию, т.е. воспроизведению экзистенциальности, минуя знаки, используемые при коммуникации людей. Иначе говоря, воспроизведению требуемого чувства не через его обозначение, как это имеет место при обращении к литературному тексту, а путем его прямого переживания.

О самом существовании таких экзотических техник западный человек узнает из естественно языковых нарративов, повествующих о культурных традициях, духовном наследии и других особенностях народов. Вспомним широко известные сочинения членов семьи Рерихов [23] или теософские труды Е. Блаватской [24]. Несомненно, что авторы таких свидетельств видят созидательное начало в своих рассказах, о чем говорит сама их жизнь. Но человек, впитавший в себя западный образ мысли, предрасположен считать их повествования экзотикой, отрешенной от собственного жизненного опыта.

Западный взгляд на духовные достижения Востока во многом объясняется самодостаточностью западной науки, доказываемой через конструктивные действия массы ее адептов. Оперирование первопонятиями, аксиомами и правилами вывода геометрии, а через них и всем величественным аппаратом пространственных превращений не требует никакого дополнительного, например, медитативного проникновения, скажем, в "сущность точки". Зачем это делать, если коллективные действия вполне организуемы на интуитивных основах науки? Однако такое практически оправданное пренебрежение делает западную науку подверженной критике со стороны людей, строящих свое земное существование на основе эксплуатации духовных практик, остающихся terra incognita для подавляющей массы "стихийных материалистов".

Насколько я могу судить, существование восточного пути еще не стало научным вызовом для социологов, в частности, работающих в качественной традиции. Например, А. Страус и Дж. Корбин, начиная дискуссию о переживаниях информантов, ограничиваются сугубо "литературными" приемами, иллюстративно используя кодирование свидетельств информантов [25]. Так же поступает и К. Чармас, анализирующая взгляды своих западных предшественников [26]. О том, что практические способы управления переживаниями человека уже давно стали предметом практических исследований, например, в многочисленных школах буддизма, нет ни слова.

По поводу восточного пути следует сделать два замечания. Во-первых, духовные практики не обязаны быть религиозными. Получаемые "чувственные" результаты не являются предметом или продуктом религиозной веры, скорее, наоборот - религиозные проявления и их вербальная организация являются следствием существования духовных практик. Так же как в западной науке духовные достижения, получаемые в ходе соответствующих упражнений - это результат творческих усилий и труда, а не чуда или откровения³. Сама вера, понимаемая как особый вид повседневных интеллектуальных действий, является одним из инструментов конструктивного духовного развития, а не словесным лекалом, служащим для социального размежевания.

Во-вторых, так же как западная наука духовные практики не являются "литературной теорией": "знающий не говорит, говорящий не знает" [27, с. 117]. Таким образом литературное освоение социальной реальности отвергается не только западной наукой, но и тысячелетней традицией постижения "субъект-субъектных" отношений на Востоке.

Осмелюсь предположить, что перспективным направлением поисков интуитивных основ (ground) для западной социальной науки может служить освоение ее адептами духовных практик, никогда не рассматриваемых в составе научного аппарата. Обратив деятельное внимание на конструктивность этой тысячелетней "парадигмы", становится возможным понять, как развивать экзистенциальную составляющую социального теоретизирования, не впадая в беличий круг "словесных переживаний". С точки зрения восточной традиции, "качественный пафос" страдает принципиальным недо-

³ Такая позиция, конечно, не умаляет возможностей познающего субъекта, вслед, например, за Г. Лейбницем, быть приверженцем теологических воззрений.

статком. И сугубо аналитическая процедура, и противопоставляемое ей говорение [22, с. 5] лишь описывают переживания людей, не устраняя их причину - негармоничные духовные практики, сложившиеся в обыденной жизни.

Не владея аппаратом эзотерических техник, приверженцы "понимающих стратегий" вынуждены *de facto* воспроизводить порицаемую ими на словах методологию. Заставляя себя или информанта вновь и вновь рассказывать о своих переживаниях, они неминуемо трансформируют их в знаки, скажем, слово, транскрипт или категорию. Однако такого знакового, т.е. формального воспроизведения не требуется, а нужны техники, которые позволяют самому человеку реконструировать свои переживания за счет собственных эзотерических усилий. Предоставление человеку такой экзотической, с точки зрения западной науки, но, тем не менее, вполне конструктивной возможности и составляет предмет духовного самосовершенствования восточного толка.

Духовные техники весьма разнообразны: от относительно простых волевых воспроизведений различных физических ощущений (тепла, покалывания и т.д.) [28] до сложно структурированных медитаций, имеющих собственные названия, скажем, Золотой Цветок [29, с. 239] и последующего духовного развития [30], понять которое обычному человеку не менее сложно, чем устройство Вселенной на первой секунде ее существования. Практики дают ошеломляющий спектр человеческой экзистенциальности: от имеющих скандальный привкус гедонических тантрических техник до изнуряющих многонедельных голоданий. Так же как в науке, любой желающий может пройти путь от профана до мастера, если проявит известное упорство и наблюдательность. Ожидаемым результатом такого приобщения оказывается мысль, что устройство человека описывается восточными авторами в совершенно иных терминах по сравнению с западной наукой. Причем уже собственный опыт не позволяет игнорировать первоначально чужеродные восточные слова: инь, янь, медитация и т.п. В этой связи только один пример. В западной традиции совершенно не известно понятие "жень", которое по даосскому канону является одним из ресурсов самосовершенствования человека наряду с дыханием и движением [28, с. 33 и далее].

В поисках кибернетических аллегорий, так любимых авторами, пишущими на темы надежности и достоверности в социологии, можно сказать, что цель духовных постижений - это тотальный самоконтроль внутреннего устройства актора самим актором. На Западе просто отсутствует такая традиция.

В чем смысл нашего обращения к духовному опыту как направлению обоснования научных методов западного толка? Во-первых, принятие его во внимание позволяет понять природу ненаблюдаемости любой социальной системы как неисчерпаемость духовных практик составляющих ее акторов. Во-вторых, даже начальное знакомство с "духовными идеями" показывает, что восточная традиция имеет ясно выраженный индивидуальный характер и не приспособлена для организации коллективных действий. Это средство адаптации отдельного человека к существующим условиям его жизни, но не инструмент организации коллективных действий людей с целью совершенствования материальных условий их существования. В-третьих, предпринятый экскурс позволяет осознать, что аналитикам, разрабатывающим социальную теорию, непозволительно игнорировать познавательные ресурсы, аккумулирующие опыт большей части человечества.

Путь Эвклида. Вспомним обычную назидательную оценку притчи о слепцах - "не повторять их ошибку, думая, что одного впечатления достаточно, чтобы составить полное представление" [31]. Не будем поспешно считать действия слепцов ошибкой, а попытаемся понять конструктивные особенности ситуации, которую мы приняли за модель социальной реальности.

Обратим внимание, что каждый из персонажей притчи выполняет действие, сводящее нечто, ему не знакомое - бок слона, хвост слона, нога слона - к чему-то, что уже известно из собственного опыта персонажа - стена, веревка, колонна. Фактически все слепцы выполняют одну и ту же аналитическую процедуру - сводят возникающие у них представления к чему-то уже понятному из собственного опыта. В терминах

науки - каждый из персонажей пытается построить систему научных определений, основываясь на знакомом ему наборе первопонятий и аксиом.

Принципиальное методологическое затруднение состоит в том, что в отличие от классической научной схемы, например, евклидовой геометрии, каждый из слепцов применяет собственную, а не единую для всех систему первопонятий. В этом случае персонажи притчи не образуют совокупность акторов, которые могли бы считаться одинаковыми в рамках создаваемой ими понятийной системы. Отсюда возникает необходимость в специальном аппарате, с помощью которого сами акторы имели бы возможность сопрягать свои и чужие взгляды в процессе их возникновения и развития.

Заметим, что навеянная притчей схема научного определения описывает известное своеобразие качественных методов в социологии, призванных выявлять индивидуализированные смыслы в действиях и представлениях отдельных людей. Это своеобразие вполне корректно передается самой научной схемой - необходимостью учета особенностей акторов, наличием разных систем аксиом и т.п., не требуя каких-то дополнительных словесных разъяснений. Другими словами, у адептов качественной методологии нет оснований для отрицания научных основ социологического знания и отказа от поиска решений, лежащих в русле западной науки.

Обратим внимание, что сами первопроходцы "понимающих" методов вполне ясно свидетельствуют о своем стремлении остаться в границах научного знания западного типа. Например, у А. Шюца читаем: "действительно, самый серьезный вопрос, на который методология общественных наук должна дать ответ, состоит в следующем: как возможно сформировать объективные понятия и объективно верифицируемую теорию субъективно значащих структур?" [32, с. 372].

Именно по этому пути идет конструктивная качественная методология на Западе⁴, в рамках которой развился специальный инструментальный аппарат - кодирование свидетельств информанта [34]. Говоря схематично, его предназначение состоит в том, чтобы дать аналитику (а им может быть и сам информант) инструментальные средства, позволяющие, во-первых, "структурно оформить" переживания отдельного поставщика сведений. Во-вторых, использовать структуры, возникающие в результате кодирования, для анализа свидетельств информанта.

Конечно, кодирование не моделирует чувства: их "экзистенция" по-прежнему остается в человеке. Однако индивиду в соответствии с западной традицией предоставляется аппарат обозначений, с помощью которого ему создают конструктивную возможность самому свидетельствовать об "экзистенции чувств".

На взгляд автора, возникающее таким образом социологическое знание имеет существенные особенности, которые еще не нашли общепринятого воплощения в современных информационных технологиях. Косвенно об этом говорит широко распространенная практика развития компьютерных методов, предназначенных для сугубо социологических приложений (интервьюирование, анализ высказываний респондентов и т.п.) на основе заимствования инструментальных достижений информатики, а не структурных особенностей соответствующего социологического знания (представлений об общественном мнении, социальном факте и пр.) [35, с. 8 - 25, 36].

Фундаментальное своеобразие социологического знания обусловлено обязательной включенностью актора в состав явлений, описываемых таким знанием. Принципиальная особенность актора состоит в экзистенциальности его действий, которая в конструктивной познавательной перспективе может быть понята как возможность освоения актором духовных практик.

Своеобразие социологического знания служит основанием для развития качественных исследовательских стратегий, ориентированных на анализ отдельных случаев, индивидуализированный подход к изучению свидетельств информантов и т.п. Опыт становления качественной методологии на Западе показывает, что "литературная теория" не является единственно возможной методологией построения социологического

⁴ Отечественные пионерные работы по качественной методологии, например, В. Семенов [33] и А. Готлиб [22], солидарно отдают предпочтение "литературной традиции" при осмыслении затрагиваемой ими проблематики.

знания. Анализ конструктивных аналитических техник, в том числе компьютерных методов, возникших в процессе развития качественной методологии, позволяет утверждать, что в отличие от классического научного аппарата, например, евклидовой геометрии, социологическое знание характеризуется наличием различных индивидуализированных систем первопонятий, аксиом и правил вывода. Каждая из таких систем позволяет самоидентифицироваться не всем, а лишь части акторов, применяющих социологическое знание.

В этих условиях проблемой становится создание научного аппарата, который, во-первых, способствует актору в анализе его собственных экзистенциальных состояний, в том числе таких, которые объясняют интуитивные основания "чужой" понятийной системы. Во-вторых, позволяет придать структурное выражение сугубо эзотерическим действиям по изменению экзистенциальных состояний актора, примерами которых могут служить духовные практики восточного типа. В-третьих, ассистирует акторам в создании единой понятийной системы, объединяющей их собственные разнородные интуитивные основания и отвечающей классическим требованиям научности (связности, непротиворечивости, полноты и т.п.).

Перспективным направлением решения этой проблемы служит синтез двух современных научных течений. Во-первых, конструктивной качественной методологии, накопившей опыт осмысления экзистенциальных состояний информантов в многочисленных социологических проектах, например, с помощью функций кодирования и реконструирования нечисловых данных [14]. Во-вторых, онтологических методов, лежащих в основе информационных технологий управления знаниями и построенных на классических научных принципах оперирования понятиями и явными отношениями между ними [37].

Вспомним реакцию простого человека на актуальный социологический вопрос, с которой мы начали: сначала видение ошеломляющего разнообразия жизненных ситуаций, а затем ощущение успокоенности, приходящее вопреки реальной возможности понять это разнообразие. На взгляд автора, эти узнаваемые реакции обывателя являются событиями, предшествующими любому их осмыслению. Два пути познания, которые угадываются за этими реакциями, основаны на вековом опыте решения проблем ненаблюдаемости социальных феноменов, освоение которого аналитиками не может ограничиться вербальным теоретизированием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [http://ru.wikipedia.org/wiki/ Феномен](http://ru.wikipedia.org/wiki/Феномен) (считано 17.03.2009).
2. *Сунпес П., Зинес Д.* Основы теории измерений // Психологические измерения. М.: Мир, 1967.
3. *Пфанцгль И.* Теория измерений. М.: Мир, 1976.
4. *Докторов Б. З.* О надежности измерения в социологическом исследовании. Л.: Наука, 1979.
5. *Саганенко Г. И.* Социологическая информация. Л.: Наука, 1979.
6. *Саганенко Г. И.* Надежность результатов социологического исследования. Л.: Наука, 1983.
7. *Клигер С. А., Косолапов М. С., Толстова Ю. Н.* Шкалирование при сборе и анализе социологической информации. М.: Наука, 1978.
8. *Перекрыст В. Т.* Нелинейный типологический анализ социально-экономической информации. Л.: Наука, 1983.
9. *Чесноков С. В.* Детерминационный анализ социально-экономических данных. М.: Наука, 1982.
10. *Шляпентох В. Э.* Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: ДСП, 2006.
11. *Давыдов А. А.* Конкурентные преимущества системной социологии. М.: 2008 (Электронная версия по адресу: <http://www.ecsocman.edu/ru/db/msg/324618.html>, считано 03.12.2008)
12. *Радаев В. В.* Возможна ли позитивная программа для российской социологии // Социол. исслед. 2008. N 7. С. 24 - 33.
13. *Алле М.* Современная экономическая наука и факты // THESIS. 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 11 - 19.
14. *Kelle U.* Theory Building in Qualitative Research and Computer Programs for the Management of Textual Data // Sociological Research Online, 1997, vol. 2, no. 2, <http://www.socresonline.org.uk/2/2/1.html> (считано 05.04.2008).
15. *Фрумкина Р. М.* Психология и лингвистика как контексты социального познания // Пути России: Проблемы социального познания / Под общ. ред. Д. М. Рогозина. М.: МВШСЭН. 2006. С. 128 - 144.

16. *Азарова И. В., Митрофанова О. А., Синопальникова А. А.* (2003) Компьютерный тезаурус русского языка типа WordNet http://project.phil.ru/RussNet/papers/RussNet_dialog2003.pdf (считано 27.02.2009).
17. *Каныгин Г. В.* Текст как инструмент социального теоретизирования // Пути России: Проблемы социального познания / Под общ. ред. Д. М. Рогозина. М.: МВШСЭН, 2006. С. 144 - 160.
18. <http://2008.isras.ru/phpBB2/viewtopic.php?t=2> (считано 17.03.2009).
19. <http://sosioline.ru/node/736> (считано 24.04.2009).
20. <http://www.maxqda.com/index.htm> (считано 28.03.2007).
21. *Вардзелашвили Ж. А.* Экзистенциальная природа словесного знака <http://vijanetta.narod.ru/porak.html> (считано 27.02.2009).
22. *Готлиб А. С.* Качественное социологическое исследование. Познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004.
23. <http://lomonosov.org/aspects.html> (считано 17.04.2009).
24. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Блаватская, Елена Петровна](http://ru.wikipedia.org/wiki/Блаватская,_Елена_Петровна) (считано 17.04.2009).
25. *Strauss A., Corbin J.* Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques. 2nd Ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998.
26. *Charmaz K.* Grounded Theory: Objectivist and Constructive Methods // *N.K. Denzin, Y.S. Lincoln* (Eds.), *Handbook of Qualitative Research*. 2nd ed. Thousand Oaks, Ca.: Sage, 2000. P. 509 - 535.
27. Дао дэ цзин. СПб.: Азбука, 1999.
28. *Норбеков М., Хван Ю.* Энергетическое здоровье. СПб.: Питер, 2002.
29. *Юдлав Э.* Сто дней для здоровья и долголетия. Руководство по даосской йоге и цигун. К.: София, 1999.
30. *Сахаров Б. (Аров).* Теория и практика Йоги. Открытие Третьего глаза. К.: София, 2000.
31. <http://www.otkrovenie.de/propovedi/venden/pritchi/05.htm>.
32. *Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. *В. И. Добренькова*. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 372 - 381 (электронная версия по адресу: <http://www.rsuh.ru/article.html?id=2713>, считано 10.10.2008).
33. *Семенова В. В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
34. *Lewins A., Taylor C., Gibbs G.R.* What is Qualitative Data Analysis, 2005, http://onlineqda.hud.ac.uk/Intro_QDA/what_is_qda.php (считано 03.02.2008).
35. *Каныгин Г. В.* Контекстно-ориентированный подход к построению теорий. СПб.: Норма, 2006.
36. http://www.isras.ru/blog_Davydov/html (считано 24.04.2009).
37. *Рубашкин В. Ш., Лахути Д. Г.* Онтология: от натурфилософии к научному мировоззрению и инженерии знаний // *Вопр. философии*. 2005. N 1. С. 64 - 81.